

УДК 811.161.1'37+811.512.122

**ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ АГНОНИМИИ
В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА:
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКИХ И КАЗАХСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ**

© 2020 г.

Т.Б. Радбиль,¹ Г.А. Ахметжанова,² Ж.Ж. Жумагулова²¹Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород²Южно-Казахстанский государственный университет им. М. Ауэзова, Казахстан, Шымкент

timur@radbil.ru

Поступила в редакцию 19.11.2019

Представлены результаты совместного проекта ученых из России и Казахстана по сопоставительному лингвокультурологическому анализу русско-казахских фразеологических соответствий. Рассматривается явление фразеологической агнонимии. Факты агнонимии передают, с одной стороны, индивидуально-личностный характер незаполненных ячеек в лексиконе носителя языка, а с другой – позволяют выявить типичные для современной языковой личности зоны агнонимической активности. В статье утверждается, что фразеологическая агнонимия отражает не объективное соотношение слов в языке и речи, а отношение говорящего человека к элементам своего лексикона, способ существования этих элементов в его сознании. Соответственно и опознание такого рода единиц возможно только посредством наблюдения за характером речевого поведения говорящего человека.

Ключевые слова: агнонимия, фразеологические единицы, соматический код, сопоставительный анализ, интерпретационный потенциал, русский язык, казахский язык.

В статье представлены некоторые результаты совместного проекта ученых России и Казахстана по сопоставительному лингвокультурологическому анализу русско-казахских фразеологических соответствий.

Цель исследования — выявление интерпретационного потенциала русских и казахских фразеологических агнонимов с соматическим компонентом в индивидуальном языковом сознании носителей языка как отражения национальной и культурной обусловленности фразеологического фонда языков.

Материалом исследования являются данные русских и казахских фразеологических словарей и результаты психолингвистических экспериментальных исследований.

Теоретической базой исследования являются идеи когнитивной интерпретации элементов «языка культуры» [1; 2; 3], методология лингвокультурологического изучения фразеологизмов [4], теория описания индивидуального языкового сознания личности [5; 6; 7] и принципы анализа фразеологической агнонимии [8; 9].

В исследовании использованы: метод сопоставительного анализа фразеологизмов, методика количественной вероятностно-статистической оценки частоты встречаемости единиц языка и стандартная технология психолингвистического ассоциативного эксперимента.

Фразеологический фонд любого языка содержит в себе ярко выраженную специфику культуры, менталитета, национальной психологии этноса. Предпринятый нами сопоставительный анализ русских и казахских фразеологических единиц с соматическим компонентом, как и любое культурологическое исследование, основанное на изучении языкового сознания разных лингвокультурных сообществ, «призвано служить углублению знакомства с историей, традициями, особенностями жизни сопоставляемых лингвокультурных сообществ, изучению особенностей их национального характера, менталитета, что способствует созданию атмосферы взаимопонимания, доброжелательности и толерантности в процессе межкультурной коммуникации» [5, с. 12].

В современных этнолингвистических исследованиях (см. работы А.К. Байбурина, Е.Л. Березович, О.И. Быковой, С.М. Толстой и др.) широко используется термин *код* (*культурный код*) [1; 3; 4; 10]. «Предметно-тематический код мы понимаем как совокупность элементов одной сферы действительности, через посредство которых носитель языка осмысляет действительность иного рода» [11, с. 58]. Как справедливо отмечает С.М. Толстая, понятие кода оказывается прямым продолжением (или расширением) лингвистического понятия мотивации [3].

В число культурных кодов входят, в частности, цветовой, животный, растительный, соматический и другие коды. Последний из кодов стал объектом нашего внимания.

Элемент кода – образ предмета реальной действительности (в данном случае – соматизмы), существующий в сознании человека и отражающий представления носителя языка о номинируемом объекте, или метафорический сюжет с использованием какого-либо образа предмета реальной действительности (т. е. метафорический образ, сконструированный на основе соматического образа). Основное назначение элемента кода – пояснять другую действительность, служить отражением иного объекта. Элемент кода несет информацию о представлениях носителя языка относительно номинируемой им действительности. Например, в русском языке фразеологические единицы с соматическим элементом могут иметь такие метафорические значения: *золотые руки* – мастер своего дела; *язык без костей* – болтливый человек; *лишний рот* – человек, который обременяет других, в тягость другим как едок.

В казахском языке это можно проиллюстрировать следующими примерами: *бас-көз болды* (букв. быть глазами и ушами) – заботиться о ком-либо; *қу бас* (букв. высохший череп) – одинокий, бездетный человек; *қу сирақ* (букв. голые голяшки) – ни кола, ни двора; *қу табан* (букв. высохшая ступня) – любитель посещать соседей и родственников в надежде на угощение.

В исследуемых нами фразеологических единицах элементом кода являются названия частей человеческого тела, которые, помимо названия, являются носителями значимых для культуры смыслов, выступая в роли знаков «языка» культуры и образуя ее соматический код. Соматический пласт фразеологии является языковой универсалией и содержится как в русском, так и казахском языках, что объясняется антропоцентрической организацией семантики языка в целом. Воплощение этого кода в архетипах языкового сознания, представленных сквозь призму фразеологического фонда языка, оказывается во многом детерминированным национальной культурой.

Представляется интересным исследовать «тактику чтения «соматологической карты» человека и «меру сфокусированности внимания» (в терминологии Ю.А. Сорокина [7, с. 39]) к разным частям тела у русских и казахов, отраженным в их языковом сознании в форме фразеологических единиц (ФЕ). В ходе сплошной выборки из русских и казахских фразеологических словарей [12–15] нами было обнаружено, что в казахском языке устойчивых выражений с

соматическим компонентом значительно больше, чем в русском: в рабочих вариантах корпус русских исследуемых ФЕ составляет 1070, в казахских – более 2197 единиц.

Кроме того, отбор устойчивых выражений с соматическим компонентом из фразеологических словарей русского и казахского языков выявил неоднозначность восприятия частей тела человека и употребления в речи их номинаций. Прежде всего, и состав соматизмов, и их актуализированность в речи (во фразеологическом фонде языков) в русском и казахском языках неодинаковы. Для примера приведем количественное соотношение фразеологизмов с некоторыми соматическими компонентами в русской и казахской языковой культуре. Частотность употребления русских и казахских соматизмов в составе ФЕ выглядит следующим образом: *глаз/көз* – 133/200 устойчивых сочетаний, *рука/қол* – 126/155, *голова/бас* – 119/250, *нога/аяқ* – 80/109, *сердце/жүрек* – 59/73, *язык/тіл* – 56/112, *лицо/бет*, *жүзі*, *өңі*, *түсі* – 30/110; 37; 3; 10, *зубы/тіс*, *азу* – 27/4, *плечо/иық* – 26/14, *рот/ауыз* – 22/190, *кости/сүйек* – 16/38, *шея/мойын* – 15/63, *палец/саусақ*, *бармақ*, *башпай*, *бақай* – 19/4; 6; 5, *пята*, *пятка/өкше* – 11/9, *лоб/маңдай*, *шеке* – 10/30; 9, *мозги/ми* – 10/13, *уши/құлақ* – 36/69, *нос/мұрын*, *тұмсық* – 41/27,5, *тело/дене* – 7/10, *зубы/ерін*, *езу* – 6/8; 4, *живот/қарын*, *іш* – 6/18; 16, *стопа/табан* – 5/42, *ладонь/алақан* – 2/13, *локти/шынтақ* – 2/2, *мизинец/шынашақ* – 2/3, *печень/бауыр* – 2/46.

Специфичность восприятия и отражения окружающего мира под влиянием культурно-национальных установок, традиций, опыта выражена в социальной значимости тех или иных соматизмов. Так, в русском языке ФЕ с соматизмом *почки* отсутствуют, в казахском же языке соматизм *бүйрек* представлен в 8 ФЕ. Соматизм *челюсти* в русской фразеологии не нашел своего воплощения, в то время как в казахской языковой культуре соответствующий соматизм *жақ* отмечен в 12 фразеологических единицах; соматизмы *глаз/көз* соответственно зафиксированы в 133 русских и 79 казахских ФЕ; *рот/ауыз* – 22/190; *лицо/бет* – 30/110. Как видим, даже совпавшие, коррелирующие номинации-соматизмы, очевидно, по-разному актуализируются в речи сопоставляемых этнических сообществ, что в наших исследованиях отражено в виде казахских и русских словарей с соматическим компонентом и лингвосемантическим, культурологическим и этимологическим анализом-описанием.

В ходе работы над фразеологическими единицами, содержащими соматический компонент, выяснилось, что фразеологический фонд

русского и казахского языков, зафиксированный в соответствующих словарях, часто не тождественен пониманию его современными носителями языка. Это особенно проявляется в молодежной среде. В связи с этим возникает проблема так называемой *фразеологической агнонимии* (ФА). Агнонимы, по определению В.В. Морковкина и А.В. Морковкина, – это «слова, которые мы не знаем» [9]. Другими словами, фразеологическая агнонимия – это изучение языковых единиц с точки зрения наличия/отсутствия в сознании носителей языка каких-либо представлений о содержании этих единиц, характера таких представлений, их зависимости от объема знаний о мире, языковой и культурологической компетенции как отдельной языковой личности, так и больших и малых групп (социальных этнических, гендерных). Следует отметить, что данное направление в казахстанском языкознании только начинает развиваться. Проблемы интерпретации фразеологических единиц носителями языка затрагиваются в основном в работах по лексикологии, семасиологии, в последнее время – когнитивистике, где фразеологию рассматривают как компонент национальной картины мира. Проблему агнонимии разрабатывают российские ученые А.Г. Жукова, Г.М. Мандрикова и др. Ими же введены понятия «степень агнонимичности», «нулевая», «частичная» и «полная» агнонимичность фразеологических единиц [8]. Степень агнонимичности исчисляется из соотношения «правильной» или «неправильной» интерпретации фразеологического значения тех или иных ФЕ. Как правило, во многих случаях те или иные фразеологические единицы не всегда имеют адекватное отражение в языковом сознании современных носителей языка. Именно такие «дефектные» дефиниции и являются «сырьем» для изучения фразеологической агнонимии.

Анкетирование, проведенное нами среди студентов и учащихся старших классов, показало, что агнонимичность исследуемых ФЕ неодинакова: она может быть более сильной или более слабой, т. е. данное понятие внутренне градуируется. При подборе информантов были учтены, кроме языковой принадлежности, возрастной и гендерный факторы: русскоязычные, казахскоязычные, мужчины и женщины. Было предложено 3 варианта анкет с заданиями:

I. Продолжить фразеологизмы, содержащие соматический компонент:

пальчики...
носить на ...
стоять поперек...
с руками и... и др.

2. Объяснить значение фразеологических единиц:

руки чешутся –
разинуть рот –
пуп земли –

по пальцам можно пересчитать – и др.

3. Подобрать синоним-фразеологизм с соматическим компонентом к следующим выражениям:

любить, лелеять –
запомнить крепко-накрепко –
заниматься пустой болтовней –
очень мало – и др.

4. Записать как можно больше фразеологизмов со словом «нос».

5. Записать как можно больше фразеологизмов со словом «язык».

Кроме перечисленных, были предложены творческие задания для определения степени агнонимичности исследуемых информантов. Например: *Вставьте в предложение подходящий по смыслу фразеологизм; Составьте предложения с данными ниже фразеологизмами* и др.

Подобные анкеты были составлены и для участников-казахов (студентов и школьников). Анкетирование показало, что существует определенная разница в степени агнонимичности отдельных носителей языка и определенных групп носителей языка. Мы выделили 3 типа агнонимии: 1) нулевая; 2) полная; 3) частичная. Под нулевой агнонимией подразумеваются правильные ответы; под полной – неправильные. Особый интерес представляет собой частичная агнонимия, или так называемые дефектные дефиниции. Анализ именно этих ответов позволяет выявить внутреннюю градацию понятия «степень агнонимичности». В процессе работы над анкетами выявилось, что информанты используют в ответах те семантические компоненты, которые в исходной ФЕ присутствуют имплицитно или вообще в ней отсутствуют. Отдельные правильные ответы нами также отнесены к случаям частичной агнонимии (например, правильная трактовка значения может не сопровождаться отнесением к определенной ситуации или употребление данной единицы в контексте может быть некорректным).

В качестве иллюстрации обратимся к ответам информантов. Так, для объяснения казахской ФЕ *қу сирақ* (букв. «голые голяшки»), кроме ожидаемого *«түгі жоқ, кедей адам»* («ни кола, ни двора»), неожиданно проявилось следующее значение, которое вкладывается в него носителем языка – название казахского рода. Со слов представителей данного рода, существовал конкретный человек – неизменный победитель

кокпара. В пылу состязания, чтобы они не мешали ему, он закатывал штанины и, узнаваемый издали по голым голяшкам, мчался на коне, поощряемый возгласами болельщиков: «*Қу сирақ!, Қу сирақ!*» Со временем имя его было забыто, остались только прозвище и легенды о знаменитом участнике кокпара *Қу сирақ*, а также одноименное название рода, из которого он происходил.

Очевидно, что подобные дефектные определения не являются случайными, индивидуальными, они обусловлены тем семантическим потенциалом, который заложен в конкретной языковой единице и представляет собой результат функционирования, переосмысления в разных контекстах и тех семантических «наслоений», которыми обрастает ФЕ в течение своей жизни в языке.

Примером частичной агнонимии являются ответы русских информантов в задании подобрать синонимы-фразеологизмы с соматическим компонентом к выражению «*заниматься пустой болтовней*». Все ответы отнесены к правильным: *чесать язык, вешать лапшу на уши, морочить голову, пудрить мозги, дурить голову*. Нулевая степень агнонимичности, отмеченная в данном случае, тем не менее показывает различное осмысление выражения «*заниматься пустой болтовней*» отдельными носителями языка. Так, ФЕ *чесать языки* означает обсуждать кого-либо, удовлетворяя желание высказать свое мнение о ком-либо; *вешать лапшу на уши* обозначает не просто обманывать, а нагло, цинично врать; *морочить (дурить) голову, пудрить мозги* – вводить в заблуждение, запутывая, уводя от истины, затемняя сознание; *пудрить мозги* – обманывать кого-либо (обычно о невыполняемых обещаниях). Отметим, что оборот *вешать лапшу на уши* совсем недавно вошел в употребление из жаргонной речи. Сам факт его появления свидетельствует о том, что в пространстве семантического поля исходного выражения были «незанятые клеточки», семантические лакуны, готовые к заполнению. Возможно, именно жаргонное прошлое «лапши» ограничивает применение фразеологизма сферой просторечия (лапша – «обманщик, болтун, пустослов»; сыпать лапшу – «обманывать, дезинформировать»). Таким образом, ФЕ *морочить голову* употребительна в неформальном общении как между знакомыми, так и малознакомыми людьми, когда собеседники на равных. А фразеологическая единица *вешать лапшу на уши* естественна в ситуациях, где ранг общения снижен, где все «запанибрата», и вряд ли уместна в разговоре с малознакомыми людьми. Вхождение в речь жаргонных

оборотов *пудрить мозги, вешать лапшу на уши*, возможно, обязано их эмоциональной окраске, востребованной обществом в период резких социальных сдвигов, сломов, изменений, особенно в морально-нравственной сфере.

Конкретная языковая личность для интерпретации в той или иной степени незнакомых ей языковых единиц использует вполне определенный набор «способов»: буквальное прочтение, опора на ключевое слово, опора на образ-картинку, новое метафорическое переосмысление и т. п. «Типизированность» интерпретации, на наш взгляд, может быть обусловлена двумя основными факторами: а) интерпретационными возможностями языковой личности; б) интерпретационным потенциалом самих ФЕ. Важной проблемой представляется выявление того, как именно соотносятся конвенциональное значение ФЕ и те представления, которые существуют в сознании носителя языка. Поскольку агнонимы, как известно, являются единицами, которые могут быть выделены только с позиций антропоцентрического подхода, то обращение к показателям языкового сознания носителей при их изучении неизбежно.

Опыт проведенных исследований позволяет говорить о том, что в языковом сознании конкретной социальной и/или возрастной группы конвенциональное значение конкретной ФЕ может быть представлено весьма слабо. Зачастую мы имеем дело с существованием в языковом сознании особого, если так можно выразиться, «параллельного» значения данной ФЕ. Все это свидетельствует о значительном интерпретационном потенциале ФЕ, который, во-первых, опирается на типичные «способы» объяснения незнакомой единицы, во-вторых, определяется возможностью аналогического влияния других устойчивых единиц, в-третьих, складывается из разного рода социокультурных представлений, присутствующих в языковом сознании носителя языка.

В заключение отметим, что проблемы фразеологической агнонимии не только свидетельствуют о лингвокультурологической «неграмотности», но и позволяют исследовать интерпретационный потенциал как самих единиц, так и интерпретатора, а также дают возможность проследить динамику языковых изменений.

Список литературы

1. Березович Е.Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей // Вопросы языкознания. 2004. № 6. С. 3–24.
2. Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В. и др. Новые тенденции в русском языке начала XXI века: Кол. монография / Под ред. Л.В. Рацибурской. М., 2014. С. 8–35.

3. Толстая С.М. Мотивационные семантические модели и картины мира // Русский язык в научном освещении. 2002. №1 (3). С. 112–127.
4. Быкова О.И. Этноконнотация как вид культурной коннотации. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2005. 277 с.
5. Дмитриук Н.В. Языковое сознание в негомогенной лингвокультурной среде: Дис. ... д-ра филол. наук. М.: ИЯ РАН, 2000. 400 с.
6. Радбиль Т.Б. Герой Андрея Платонова как языковая личность (образ Фомы Пухова в «Сокровенном человеке») // Русистика сегодня. № 3–4. 1999. С. 66–83.
7. Сорокин Ю.А. Антропоцентризм и антропофилия: доводы в пользу второго понятия // Язык; сознание, коммуникация. Вып. 4 / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., 1998. С. 34–44.
8. Жукова А.Г., Мандрикова Г.М. Фразеологическая агнонимия: к постановке проблемы // Русский язык: исторические судьбы и современность: Материалы II Междунар. конгресса исслед. рус. яз. М., 2004. С. 204–205.
9. Морковкин В.В., Морковкин А.В. Русские агнонимы: (слова, которые мы не знаем) / Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1997. 414 с.
10. Байбурин А.К. Коды обряда и их взаимодействия // Фольклор: проблемы сохранения и взаимодействия. М., 1988. С. 139–145.
11. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в зеркале «растительных» метафор // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 57–77.
12. Кенесбаев С.К. Фразеологический словарь казахского языка / АН КазССР. Ин-т языкознания. Алма-Ата: Наука, 1977. 712 с.
13. Кожаметова Х.К., Жайсакова Р.Е., Кожаметова Ш.О. Казахско-русский фразеологический словарь. Алма-Ата: Мектеп, 1988. 224 с.
14. Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телия. М.: Отечество, 1995. 368 с.
15. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1985. 543 с.

**THE INTERPRETATIONAL POTENTIAL OF PHRASEOLOGICAL AGNONYMY
IN NATIVE SPEAKERS' LANGUAGE CONSCIOUSNESS: CONTRASTIVE ANALYSIS OF RUSSIAN
AND KAZAKH PHRASEOLOGISMS WITH A SOMATIC COMPONENT**

T.B. Radbil, G.A. Akhmetzhanova, Zh.Zh. Zhumagulova

The article presents some results of the joint research project of Russian and Kazakh scientists on contrastive linguo-culturological analysis of Russian–Kazakh phraseological correlations. The phenomenon of phraseological agnomy is discussed. The facts of agnomy convey, on the one hand, the individual personality of unfilled cells in the vocabulary of a native speaker, and on the other hand, they reveal areas of agnomic activity typical of a modern linguistic personality. The authors argue that phraseological agnomy reflects the attitude of the speaking person to the elements of his vocabulary, the way these elements exist in his mind rather than an objective correlation of words in language and speech. Accordingly, it is only possible to identify such units by observing the nature of the speech behavior of the speaking person.

Keywords: agnomy, phraseological units, somatic code, contrastive analysis, interpretation potential, Russian language, Kazakh language.

References

1. Berezovich E.L. K etnolingvističeskoj interpretacii semantičeskih polej // Voprosy yazykoznanija. 2004. № 6. S. 3–24.
2. Radbil' T.B., Marinova E.V., Raciburskaya L.V. i dr. Novye tendencii v russkom yazyke nachala XXI veka: Kol. monografiya / Pod red. L.V. Raciburskoj. M., 2014. S. 8–35.
3. Tolstaya S.M. Motivacionnye semantičeskie modeli i kartiny mira // Russkij yazyk v nauchnom osveshčenii. 2002. №1 (3). S. 112–127.
4. Bykova O.I. Etnokonnotaciya kak vid kul'turnoj konnotacii. Voronezh: Voronezhskij gosuniversitet, 2005. 277 s.
5. Dmitriuk N.V. Yazykovoe soznanie v negomogennoj lingvokul'turnoj srede: Dis. ... d-ra filol. nauk. M.: IYa RAN, 2000. 400 s.
6. Radbil' T.B. Geroj Andreyja Platonova kak yazykovaya lichnost' (obraz Fomy Puhova v «Sokrovennom cheloveke») // Rusistika segodnya. № 3–4. 1999. S. 66–83.
7. Sorokin Yu.A. Antropocentrizm i antropofiliya: dovedy v pol'zu vtorogo ponyatiya // Yazyk; soznanie, kommunikaciya. Vyp. 4 / Otv. red. V.V. Krasnyh, A.I. Izotov. M., 1998. S. 34–44.
8. Zhukova A.G., Mandrikova G.M. Frazeologičeskaya agnonimiya: k postanovke problemy // Russkij yazyk: istoričeskie sud'by i sovremennost': Materialy II Mezhdunar. kongressa issled. rus. yaz. M., 2004. S. 204–205.
9. Morkovkin V.V., Morkovkin A.V. Russkie agnonimy: (slova, kotorye my ne znaem) / In-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina, In-t rus. yaz. im. V.V. Vinogradova RAN. M.: In-t rus. yaz. im. A.S. Pushkina, 1997. 414 s.
10. Bajburin A.K. Kody obryada i ih vzaimodejstviya // Fol'klor: problemy sohraneniya i vzaimodejstviya. M., 1988. S. 139–145.
11. Leont'eva T.V. Intel'ekt cheloveka v zerkale «rastitel'nyh» metafor // Voprosy yazykoznanija. 2006. № 5. S. 57–77.
12. Kenesbaev S.K. Frazeologičeskij slovar' kazahskogo yazyka / AN KazSSR. In-t yazykoznanija. Alma-Ata: Nauka, 1977. 712 s.
13. Kozhahmetova H.K., Zhajsakova R.E., Kozhahmetova Sh.O. Kazahsko-russkij frazeologičeskij slovar'. Alma-Ata: Mektep, 1988. 224 s.
14. Slovar' obraznyh vyrazhenij russkogo yazyka / Pod red. V.N. Teliya. M.: Otechestvo, 1995. 368 s.
15. Frazeologičeskij slovar' russkogo yazyka / Pod red. A.I. Molotkova. M.: Russkij yazyk, 1985. 543 s.